

Призрак
и Я
ЕКАТЕРИНА
МИРИМАНОВА

Екатерина Валерьевна Мириманова

Призрак и я

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6893588
Мириманова Е. В. Призрак и я : Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39441-8*

Аннотация

Эта книга — не просто история о женщине, которая однажды вдруг понимает, что прожила свою жизнь совсем не так, как хотела. Не просто мистическая история о переходе из нашего мира в иной и о том, что нас там ждет. Не рассказ о жизненном кризисе молодой женщины, в самый тяжелый момент которого ей вдруг является призрак ее прошлого для того, чтобы помочь исправить ошибки.

Эта книга — о каждом из нас. О том выборе, который мы совершаем ежедневно. О тех решениях, которые принимаем. О тех поступках, которые совершаем. О тех вопросах, которыми задаемся. О тех смыслах, которые ищем.

Не с каждым из нас рядом окажется в нужный момент призрак или ангел-хранитель. Но каждый может стать ангелом-хранителем для себя самого.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
10 октября 2053 года, 10.00	6
Глава 2	11
Дата смерти: 10 октября 2053 года. День первый	11
Глава 3	16
20 сентября 2009 года	16
Глава 4	23
13 ноября 2009 года	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Екатерина Мириманова

Призрак и я

Памяти Л. К. посвящается

*Мне нужна была вся пережитая боль, чтобы стать тем, кто я
есть сейчас.*

© Мириманова Е. В., текст, 2010

© ООО «Издательство «Эксмо», оформление, 2010

Предисловие

Вы никогда не думали о том, что в жизни очень многое согласовывается с нашими поступками? Можно постоянно о чем-то мечтать и не получать этого, а потом в один момент начать действовать, принять важное решение и изменить ход вашей «персональной истории» навсегда, начать если не с чистого листа, то хотя бы с крутого поворота. Никому на этом свете неизвестно, как закончится ваша жизнь, даже вам. Но зато вы способны понять, что бездействие и пустые сетования в определенных ситуациях способны оказать самое негативное влияние на ваше настоящее и будущее. Большинство из нас рождается с необходимыми знаниями, но чем старше мы становимся, тем меньше хотим вспоминать о них...

У меня есть две новости: хорошая и плохая. Начну с хорошей: в пространстве, во времени существует множество направлений, и вы вольны выбрать любое и следовать ему. Можете изменить текущее и переместиться на другую линию жизни или придерживаться уже выбранного сценария, пусть не всегда удачного. Что же касается плохой новости: жизнь у нас всего одна, и второй попытки в реальности не бывает, здесь нет черновиков. Поэтому в следующий раз, когда вы попытаетесь отложить что-то на завтра или подумать о других шансах, которые когда-нибудь, вероятно, представятся, остановитесь и поразмышляйте вот о чем: а не упускаете ли вы возможность прожить эту жизнь так, как вам нравится? И к чему вы придете, если все время будете идти на поводу у обстоятельств?

Все ответы уже есть внутри вас, иногда скрытые слишком глубоко, чтобы увидеть их поверхностным взглядом. Вы знаете все, что вам необходимо, однако часто боитесь себе в этом признаться. Ведь шагнуть в неизвестность гораздо сложнее, чем идти проторенной дорогой. Но судьба всегда вознаграждает тех, кто рискует, кто, преодолевая свой страх, идет вперед. Вы не станете мудрее, если не будете предпринимать попытки изменить свою жизнь. Только новый опыт способен дать вам знания. Я думаю, многие из вас встречали пожилых людей, которые вели себя как дети, и наоборот, молодых, которые реагировали на испытания с необыкновенной мудростью. И это ни в коем случае не означает, что, если вы прожили уже значительную часть своей жизни, вам не стоит даже пытаться принимать непредсказуемые решения. Это значит — нужно пытаться и не пугаться первых же возникших трудностей, тогда, рано или поздно, вы обязательно достигнете желаемой цели.

Глава 1 Переходный возраст

10 октября 2053 года, 10.00

Мужчина, уже немолодой, явно за пятьдесят, сидел на стуле у окна и молча смотрел на спящую женщину. На его лице были заметны глубокие морщины, а уголки губ безнадежно опустились. Волосы сохранили природную густоту, но изрядно поседели. Несмотря на усталость в уже мутноватых голубых глазах, он казался бодрым, возможно, за счет безупречной осанки и худощавости. Просторный бежевый льняной костюм сидел на нем идеально, ни единой складочки, как будто он только что надел его.

— Лида, подъем, сколько же можно валяться в кровати! — раздался негромкий женский голос, и пожилая женщина открыла глаза.

Кажется, ничего не изменилось. Те же белые стены и раздвижные металлические двери. Как часто в те несколько секунд, что проходят между пробуждением мозга до тех пор, пока не открылись глаза, ей хотелось, чтобы все было по-другому, и она на мгновение верила, что наступил иной день, который перенесет ее в новую жизнь. Но окружающая действительность никогда не становится иной без нашего участия. По большому счету, что она могла сделать, чтобы что-то изменить?! Да и потом — этот вариант не самый худший. По крайней мере, она здесь не одинока, всегда находится собеседник. Пусть даже желание разговаривать появляется все реже. Когда она была молодой, казалось, что с ней такого точно не случится. «Так странно, я помню то, о чем думала много лет назад, а события, произошедшие позавчера, даются мне с трудом», — пронеслось у Лиды в голове.

— Лидочка, ну нельзя же спать по двенадцать часов подряд! Посмотрите на себя, все лицо отекло! — всплеснула руками медсестра.

Лида медленно поднялась и пошла, опираясь на стальную трость, в другой конец комнаты, туда, где было подвешено зеркало. Вид и впрямь не очень свежий. Наверняка в этом виновато новое снотворное, которое назначил ей врач. В голове все еще вертелись обрывки сна, но что именно ей привиделось — она не помнила.

— Да, Ирина, вы правы, — вслух произнесла она, прочитав имя на беджике медсестры, — и впрямь не слишком впечатляющее отражение в зеркале. Но ведь я уже не девочка! Когда доживете до моих лет, порадуетесь, если будете выглядеть так же.

Мужчина, сидевший в другом конце комнаты, встрепенулся, услышав эти слова, словно кто-то окликнул его. «Какая же она смешная! За всю жизнь так и не научилась ценить себя!» — подумал он. Его присутствия почему-то никто не замечал.

— Нет, я не доживу, я веду слишком неправильный образ жизни! — откликнулась Ира с грустной улыбкой.

— Неправильный образ жизни? — усмехнулась Лида. — Если бы вы видели меня лет сорок назад, вы бы поняли, что такое неправильный образ жизни!

— Лида, так вы мне это каждый день рассказываете. Но я почему-то смотрю на вас и все равно не верю, что вы говорите правду. Не похожи вы на бунтарку. — Она слегка склонила голову набок.

— А они как-то отличаются от обычных людей, бунтари? — Лида неспешно начала умываться.

— Не знаю. Мне кажется, такие люди должны быть в татуировках, независимо от пола и возраста. И вообще, они обычно попадают не в такие дорогие заведения, как наше, а

в самые простые. Ну, вы знаете, типа того, что недавно открыли на Вечерней улице. Вы же читали о нем в Сети, помните? — с надеждой уставилась на нее медсестра.

— Конечно, не помню, Ира! — раздраженно ответила Лида. — Вы же знаете, что недавние события я редко могу воспроизвести в памяти. Скажите спасибо, что я не прошу выписать меня отсюда обратно домой, как почти все здесь присутствующие. — Она вытерла лицо полотенцем, накинула халат и направилась к дверям. И вдруг проговорила: — Интересно, в трезвом уме и здравой памяти люди когда-нибудь задумываются о том, как на самом деле закончится их жизнь?! Нет, мы любим рассуждать о том, что станет с миром, если завтра нас не станет, или как мы героически погибнем, спасая кого-то, или как разобьемся в какой-нибудь аварии, умрем от болезни в мучениях. Но никто почему-то не решается представить себя в таком заведении, например. Или, допустим, прикованным к инвалидному креслу. Спроси здесь любого, думали они, что все так закончится, — отрицательный ответ вы услышите практически от каждого.

Лицо мужчины от этих слов еще больше постарело. Он тоже часто размышлял об этом в последние годы, с тех пор как Лида попала сюда. С его легкой руки ее поместили в «приличное» заведение. Здесь, по крайней мере, имелись все условия, отдельная палата. Что еще он мог сделать в такой ситуации?! Другого выхода он уже просто не видел. Он слишком поздно понял, что происходит.

Ира вдруг подумала, как боится того, что закончит свои дни так же, в сумасшедшем доме, не помня многого из своей жизни, в которой, по большому счету, и так не было ничего примечательного. Конечно, по сравнению с началом века медицина шагнула далеко вперед, и теперь больные деменцией благодаря современным препаратам могут пребывать в относительно здоровом уме и более-менее трезвой памяти. Но они обречены жить под наблюдением врачей и постоянно принимать лекарства, а это отрицательно сказывается на настроении и общем морально-психическом состоянии.

Прижав палец к сенсорному экранчику, Лида услышала знакомое: «Авторизация. Подтверждение» — и вышла в коридор. Сколько лет она провела здесь, что все утренние ритуалы стали настолько привычными, обыденными? Она помнила, что вначале ей было страшно оттого, что она тут оказалась, оттого, что подумают о ней соседи по прежнему дому, оттого, что она останется здесь навсегда. Но постепенно привыкала к новым правилам, смирилась с мыслью о бесполезности существования вне стен заведения, потому что память без приема лекарств покинула бы ее с катастрофической быстротой. Ира неотступно следовала за ней и постоянно что-то говорила. Лида размышляла о том, что ее ужасно раздражают люди, которые так много болтают и никогда не выказывают желание послушать. С другой стороны, что бы она могла рассказать медсестре? Только истории из бурной молодости, которые, вероятно, Ира уже неоднократно слышала.

Мужчина следовал в двух шагах от них, оглядываясь по сторонам. Светло-коричневые стены смотрелись очень необычно. Казалось, все здесь отвечает современным стандартам. Красивая мебель, молодые приветливые сиделки и медсестры, жалюзи на окнах, множество мониторчиков повсюду. Но сквозь раскрытые двери некоторых палат периодически слышались плач, стоны, бормотание и крики, и это напоминало о том, где он находится. Конечно, он уже не так обращал внимание на них, как вначале. Раньше эти звуки легко выбивали его из колеи, и потом он еще долго восстанавливался после посещения Лиды, а крики стояли в ушах. Но ко всему можно привыкнуть.

— Лида! — прервал его мысли Ирин голос. — Я понимаю, что вы не настроены на болтовню, но я должна отослать заказ на завтрак. Что вы выберете сегодня?

Лида неожиданно остановилась. Какая, по большому счету, разница, что она будет есть?! Это изменит что-то в ее жизни? Ей станет от этого лучше? Почему всех так интересует, хороший ли у нее аппетит? Или еще один любимый вопрос врачей: как вы сегодня

спали? Почему никто не спрашивает: Лида, о чем ты думаешь, что ты чувствуешь, когда... Но вслух она произнесла:

— Яичницу с сырокопченой колбасой, к черту холестерин! — и сама удивилась тому, как громко прозвучал ее голос. Пожилая женщина, ее соседка, неспешно направляющаяся в больничный кафетерий, остановилась и нервно оглянулась.

— Здравствуй, Анечка! Отлично выглядишь!

А про себя Лида отметила, что выглядят они с каждым месяцем только хуже. Аня ничего не ответила на такое бодрое приветствие. Люди, попадающие сюда, чаще всего неразговорчивы. Поначалу они пытаются бурно обсуждать происходящее с соседями по палатам, но, когда приходит осознание того, что они здесь навсегда, до последнего вздоха, они понимают, что говорить уже особенно не о чем. Им больно думать о том, что с ними стало, они не хотят признаваться себе, что нездоровы. И предпочитают другое занятие: вспоминать о прошлом. Им кажется, что в этой жизни все уже давно закончилось, еще задолго до того, как они сюда попали. Каждый день похож на другой.

Лида с медсестрой молча зашли в зеркальный лифт. Мужчина проследовал за ними и скромно встал у стены. Лида взглянула на свое отражение. А ведь когда-то она волновалась о появлении первых морщин. Сейчас ее скорее беспокоит, если в течение года не появится хоть одна новая. Вообще, зачем делать зеркала в лифте дома, где обитают в основном пожилые люди? Чтобы каждый раз напоминать им, как они плохо выглядят? Или дизайнеры думали, что им будет уже глубоко безразличен их внешний вид? Конечно, так чаще всего и происходит, но иногда случаются исключения. Взять хотя бы ту женщину, Русалку, как ее называли медсестры. Лида так и не узнала ее настоящее имя, она ненадолго задержалась в соседней палате. У нее были потрясающие длинные седые волосы, и каждое утро, идя по коридору на завтрак, Лида видела, как та расчесывает локоны, сидя у окна.

— Ира, — внезапно очнувшись, проговорила Лида, — а сколько вам сейчас лет?

— Тридцать восемь. А что? — на лице медсестры любопытство смешалось с удивлением.

— Да так, ничего. Хотя нет. Я не случайно спросила. Просто вот смотрю на вас и думаю: мне же ведь, наверное, совсем недавно было столько же, сколько вам. И меня переполняли амбиции, планы, цели. Но как-то все подусуспокоилось... — И она вдруг снова задумалась. И впрямь, о чем она грезила в 2010 году? А ни о чем особенном. Как-то все было скучно. С Пашей они тогда уже расстались. Их отношения с самого начала казались ошибкой. Ее карьере пришел конец из-за кризиса и переезда в Ярославль. Мужчина нахмурился, словно прочитал ее мысли.

— Наш этаж, выходим! — скомандовала Ира, и они, переступив порог лифта, вышли в просторный зал. — Ну все, я тогда пойду, а вы завтракайте. Советую вам сесть на террасе, погода сегодня чудесная. Если что — позвоните мне!

Лида кивнула и направилась к белоснежным столам. Как все-таки это не похоже на те дома престарелых, что существовали в ее молодости! Раньше она смотрела зарубежные фильмы и сравнивала иностранные заведения с той больницей, в которой лежала ее бабушка. Разница потрясала. Казалось, что в таких условиях человек просто не может чувствовать себя не в своей тарелке. Но нет. Здесь тоже все как-то не так.

«Интересно, есть ли места на Земле, где человек способен постоянно чувствовать себя комфортно?! Когда я жила в «хрущобе», казалось, что, переехав в новый дом с просторными комнатами, кухней и огромной ванной, я почувствую наконец удовлетворение. Потом я поняла, что одиночество мешает мне наслаждаться моей новой квартирой. Но даже когда я встречалась с Ним, мне все равно не нравилось так много всего! Снова одна, и опять все грустно. Худшие условия, но негативный опыт не научил меня мыслить позитивнее, скорее наоборот. Я думала, что, переехав в дом престарелых, начну больше общаться с людьми,

но в конечном итоге поселилась в отдельной палате, чтобы никого не видеть и не слышать. А о чем с ними говорить??? О том, что они ничего не помнят, о том, как все плохо, или о несбывшихся мечтах?! Это наводит такую тоску, что хочется повеситься», — с этими мыслями Лида прошла к стойкам с едой.

Взгляд остановился на яичнице с колбасой. Всю жизнь Лида сидела на диетах. Сначала опасалась за фигуру и, пытаясь ее сохранить, постоянно отказывалась от сладкого. Потом начались проблемы с сердцем, и она, испугавшись высокого холестерина, отказалась от всего жирного. И вот в семьдесят лет диагноз: диабет. Она по-прежнему пыталась следить за весом и до того момента ела очень ограниченное количество сахара, но отказалась от него вовсе. И спрашивается — ради чего?! Сейчас она бы предпочла умереть от шоколадного торта, нежели от того, что просто слишком стара. У нее никого не осталось. Все родственники уже либо умерли, либо окончательно сошли с ума. Подруги университетских времен тоже стали какие-то странные. Им все лень и ничего не хочется. А Вероника, воспоминания о ней, к сожалению, почти стерлись...

Мужчина окончательно приуныл, глядя, как меняется Лидино лицо. Он знал, о чем она сейчас думает. Такие мысли в конце концов появляются у всех. Он отлично понимал, что они неизбежны и даже нужны, но от этого легче ему не становилось. Почему он не может помочь ей прямо сейчас, зачем ждать?! Он решительно направился к Лиде и коснулся ее правого плеча.

«О чем это я? Эти провалы в памяти меня пугают, — словно перестроившись на другую волну, подумала Лида. — В руках у меня поднос, видимо, я размышляла, что лучше взять на завтрак: чай или молоко». Она распахнула высокие стеклянные двери и вышла на просторную террасу, построенную полукругом, с белыми колоннами. Наверное, о таких писал Чехов. Ее лицо окатила волна удивительно свежего прохладного воздуха! Кто бы мог подумать, что всего в десяти километрах от Москвы в 2053 году будет так хорошо! Уже октябрь, а деревья только начали желтеть. И этот аромат, смесь прелой листвы, влажной земли и наступающих холодов, всегда завораживал ее. Именно благодаря такому запаху можно отчетливо сказать, что зима уже совсем близко.

Лида села за столик и накинула на плечи теплый шерстяной плед, заботливо оставленный персоналом на плетеных креслах. Мужчина, неотступно следовавший за ней, встал позади, напряженно скрестив руки на груди. Она неторопливо резала горячую яичницу и размышляла, как много всего делала зря. Вся ее жизнь была подчинена правилам, которые она сама же для себя и придумала, по большей части лишним и не всегда логичным. Досадно, что теперь судьба уже сложилась, подобно мозаике, деталь за деталью. И если бы сейчас она извлекла хоть один элемент, целостность картины нарушилась бы, весь ее мир рухнул, и появилось бы ощущение абсолютной бесполезности прожитой жизни.

— Хотя сейчас уже наивно пытаться скрывать от себя тот факт, что я не сделала в жизни ничего, заслуживающего мало-мальского внимания, — произнесла Лида вслух. Ее глаза внезапно увлажнились, все лицо напряглось, как будто пытаясь остановить подступающие слезы, но она почувствовала, что не в силах контролировать свои эмоции, и на щеках появились влажные дорожки, сначала на левой, потом на правой. Она не рыдала и не всхлипывала, слезы просто лились из ее глаз, и она уже не хотела их сдерживать, пожалуй, первый раз в жизни. Казалось, что влага на щеках способна смыть всю ту боль, которая накопилась в душе. Но это не помогало. Она лишь глубже ощущала опустошенность и тоску.

Мужчина больше не мог видеть ее в таком состоянии. Его сердце рвалось на части, он знал, что чем дольше она будет думать обо всем, тем хуже ей станет. Это замкнутый круг, из которого для нее уже не существует выхода. Она никогда не сможет мыслить иначе, а значит, не будет счастливой. Так зачем оттягивать момент, лучше обрубить концы и предоставить выбор ей. Он поднял руку над ее плечом и замер на мгновение. Он смотрел на свою кисть

и словно не узнавал ее. Он знал, на что способен, но ему было тревожно каждый раз, когда он это делал. Вместе с тем он понимал, что в большинстве случаев дарит людям облегчение и покой. И все же впервые боялся наступления главного момента и одновременно слишком любил ее, чтобы позволить мучиться еще хотя бы минуту. Он протянул руку к ее правому плечу, но не отдернул ее, как обычно, а плотно прижал к ее теплому халату...

И вдруг Лида отчетливо вспомнила, как много лет назад любовалась точно такими же листьями, сидя в лодке в парке «Царицыно», рассматривая отражение деревьев в, казалось, неподвижной воде. Правда, тогда было холоднее, хотя на дворе стоял сентябрь. Она думала, как много всего впереди, какие перемены скоро наступят в ее жизни. Рядом сидел очень дорогой для нее человек. Для Лиды вдруг перестал иметь значение ее возраст, внешность, в голове стояла лишь эта картинка. Только она имела какую-то ценность. «Боже, как грустно! Неужели мы существуем всю жизнь только для того, чтобы нам было что вспомнить в старости? Если это и есть смысл жизни, то он какой-то... бессмысленный», — пронеслось у Лиды в голове, но мужчина уже положил другую руку на ее левое плечо.

«Да, я все помню. Мне тогда исполнилось двадцать лет. Я готова была на все, лишь бы чувствовать тепло его рук, таять от его взгляда. И мы смеялись, целовались, мечтали о будущем, говорили о том, как замечательно, что вообще встретились. Мы катались на лодке, долго, часа два. И я даже сейчас могу ощутить ту всеобъемлющую неподдельную радость. Как же было хорошо! А потом мы пошли в ресторан и там так душевно пели под аккордеон какую-то старую песню. Я уже не помню мотив, только несколько строчек, хотя нет, и они позабылись. Все так реалистично, как будто я снова там. Я беру его за руку, она такая настоящая, теплая. Может, я сплю? И вдруг он говорит: «Я люблю тебя». Так спокойно, почти будничным тоном. Господи, мое сердце готово разорваться от счастья! Я здесь, снова с ним. Лучи осеннего солнца, и его лицо, тонущее в этом золотом сиянии, сверкающе-голубое небо, отдаленные звуки музыки, кружащиеся листья — все переплелось, все смешалось».

Она больше ничего не чувствовала, только радость и покой. Слова, запахи, эмоции, мысли, картинки, чувства — все слилось воедино. Как же хорошо! Если бы она могла еще раз прожить свою жизнь, сейчас все было бы по-другому. Свет, музыка, слова, шум ветвей, блеск воды, его лицо, свет, музыка, слова, шум ветвей...

— Лида! Лида! Мы ее теряем! Срочно в реанимацию! Быстрее, шевелитесь, носилки! Врача! Скорее!

Она уже не слышала голоса медсестер. Она снова была там, где ей хорошо. Она здесь и останется.

Он стоял немного поодаль и не мог оторвать взгляда от этого зрелища. Оно всегда его завораживало. Момент, когда душа отделяется от тела, казался ему священным. Он боролся с собой, чтобы не подбежать к ней, не поприветствовать ее прямо здесь. Ведь все эти годы он ждал минуты, когда она сможет его увидеть. Быть невидимым для существа, с которым проводишь каждую секунду на протяжении многих лет, очень непросто. Это тяжелое бремя, которое он сам взвалил на свои плечи. От Лидино тела начало исходить голубое свечение. И он понял: ему нужно на время исчезнуть.